

Д. А. ТКАЧЕНКО

г. Москва, Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова

ПРЕДМЕТНОЕ САМООПРЕДЕЛЕНИЕ ФИЛОСОФИИ ЗЛА

В статье дается набросок философии зла, исследующей силы, воздействующей на морального субъекта. Автор дает определение зла как силы, лишенной принципа ее применения.

Зло, субъект, справедливость, неклассическая философия

D. A. TKACHENKO

SUBJECT SELF-DETERMINATION OF THE PHILOSOPHY OF EVIL

The article gives an outline of the philosophy of evil, which studies forced exerted on the moral subject. The author gives the definition of evil as force without principle of its application.

Evil, subject, justice, non-classical philosophy

В рамках классической философии получило распространение представление о существовании «чистого сознания», независимого субъекта как в интеллектуальном, познавательном, так и в моральном плане [2]. Этическая проблематика вращалась вокруг индивидуальных моральных суждений и индивидуальных актов морального поведения, соответственно, зло в антропологическом разрезе в основном понималось как нечто, имеющее в качестве причины сознательное намерение нанести вред. Возникла проблема описания в категориях этики природных катастроф и других явлений, не имеющих очевидного сознательного источника, но приносящих очевидный вред - тесно связанная с проблематикой теодицеи (см. дискуссию о Лиссабонском землетрясении [4]).

Для неклассической философии самостоятельный в этическом и интеллектуальном отношении субъект является не данностью, а в лучшем случае идеалом (в худшем – структурной иллюзией) [2]. На познающее и

действующее существо оказывают влияние множество сил, как внутренних, так и внешних, получение информации о характере и последствиях действий которых является нетривиальной интеллектуальной задачей. Субъект может обманываться в отношении источника своих действий, их самостоятельности, что может приводить к негативным этическим последствиям. Более того, возможным и практически приемлемым для цивилизованного европейского человека оказывается занятие внеэтической позиции, позиции неразличимости добра и зла, что раньше считалось присущим только детям/ дикарям/ умалишенным. Так, Адольф Эйхман, высокопоставленный сотрудник гестапо, анализу характера которого посвящена известная книга Ханны Арендт «Банальность зла» [1], не оценивает происходящее в т. ч. и в результате его действий уничтожение евреев как нечто доброе или злое. Он оценивает только свои действия с точки зрения соответствия законам государства, приказам начальства и т. п. Уничтожение евреев для него – данность, вопрос об этическом осмыслении которой даже не ставится – не потому, что он сам по себе глуп, а потому, что такова организация субъектности. Можно сказать, что он является частью огромной машины нацистской государственности (он действует не случайно и не свободно, исходя из какого-то мотива – он действует автоматически), которая может выступать конкретным представителем воздействующих на человека сил, критическое отношение к которым чрезвычайно затруднено в силу присвоения этими силами самого критического инструментария.

Этот инструментарий необходимо отвоевать, передать его, хотя бы в какой-то степени, самому субъекту. Речь идет об одной из стратегий неклассической философии – приближение к невозможному классическому идеалу рационального сознания, предполагающего самоотчет, и свободного морального поведения через выявление и устранение всех сторонних воздействий и нарушений, имеющих в место в ходе познания и морального поведения. Это, так сказать, «поправка на приборы»: учитывая вносимые ими искажения, мы можем получить точные данные о фиксируемых явлениях, как

будто бы никаких искажений и не было. Хотя эта лишенная искажений картина и признается принципиально невозможной, мы должны стремиться ее достичь.

Таким образом, осуществление морального поведения оказывается неразрывно связано с интеллектуальной процедурой установления характера и способа воздействия влияющих на субъект такого поведения сил. Поведение, таким образом, интеллектуализируется: недостаточно иметь «доброе сердце» или какое-нибудь «моральное чувство», чтобы совершать добрые поступки и избегать злых, нужно еще обладать навыками определенного способа мышления. А само мышление приобретает этический компонент, т. к. выбор в пользу мышления, его осуществление уже оказывается связано со стремлением избегать зла, с выбором этической позиции. Желание «разобраться» говорит о выходе за пределы позиции неразличимости добра и зла, из которой зло зачастую осуществляется.

В этих условиях имеет смысл говорить о возможности философии зла – практической философии, предоставляющей интеллектуальный инструментарий, технику и технологию (в чем и проявляется ее практичность) для вышеозначенной процедуры установления характера и способа воздействия влияющих на субъект морального поведения сил, и, возможно, в первую очередь – их этической оценки.

Первый шаг этой философии – определение понятия зла. Как мне кажется, представление о зле тесно связано с принципом справедливости. Допустим, есть некая сила, которая может совершать некоторые действия, так сказать, применяться. Допустим также, что есть объекты, на которые направлены действия этой силы, к которым она применяется. Применяться она может избирательно, т. е. совершать разные действия в отношении разных объектов, дифференцировать эти объекты, иметь принцип такой дифференциации – а может тотально, одинаково по отношению к различным объектам.

Справедливость – это принцип адекватного воздаяния, т. е. дифференциации действий в зависимости от характера объектов, на которые эти

действия направлены. Потому что адекватность – это не что-то конкретное, но вообще некое соотнесение характеристики объекта и характеристики совершаемого в отношении его действия. Справедливость, таким образом – это любой принцип применения силы, т. к. любой принцип и есть метод дифференциации объектов применения силы и, соответственно, способов применения. При этом отдельные поступки могут быть справедливыми или несправедливыми при наличии общего принципа справедливости, когда, например, заданная дифференциация нарушается, но сам принцип еще существует, он и позволяет само нарушение. В самом общем виде можно сказать, что зло как таковое есть сила, для которой отсутствует принцип ее применения, т. е. дифференциации действий в зависимости от характера объектов, на которые эти действия направлены. Предел зла, таким образом, – это такие явления как смерть, эпидемия, короче – стихия, а ее принцип можно обозначить как неразличение. Чем выше степень неразличения, чем меньшее количество различий проводится, тем, при прочих равных, зло больше. Роль стихии иногда берут на себя всякие живые существа типа зомби, орков и прочих проявлений архетипа варваров. Поэтому утверждения о том, что злой человек действует не совсем по своей воле, что им овладел Зверь и т. п., отчасти справедливы. В современных условиях Зверя (стихию) можно сопоставить с машиной – как часть которой, как уже упоминалось, действовал Эйхман, сделавший немало злого. Здесь парадоксальным образом сходятся эти крайности природного и сверхприродного, хаотического и организованного бытия, объединенные отсутствием сознания и самосознания.

Воздействие злых сил на нас и их действие через нас означает отказ от различающего мышления, сопряженного с позицией автономного субъекта. Насколько человек отдает себя силе, у которой отсутствует принцип применения, т. е. стихии или машине, насколько он сам становится стихией или машиной и действует, как они, настолько он зол.

На первый взгляд, можно возразить против концепции зла как неразличения, приведя пример того же Холокоста: ведь зло тогда

осуществлялось в отношении группы, объединенной по национальному признаку, т. е. благодаря различию. Но это различие имеет характер базового, оно различает условия различимости и неразличимости, выделяет тех, в отношении которых различие невозможно. Это различие, запрещающее осуществление различия, устанавливающее неразличимость (между евреями). Таким образом, этот пример не годится для опровержения концепции зла как неразличимости, а годится, напротив, для ее подтверждения.

Необходимо также отметить, что философия зла придерживается принципа адекватного воздаяния, а не призывает к «прощению» или «милосердию», воспроизводит классическую оппозицию «этики закона» и «этики благодати/любви». Ее процедуры являются негативными, служат цели обнаружения зла, дающего возможность его устранения, а ее идеалом можно считать абсолютную справедливость, некий нулевой уровень зла и нулевой уровень добра. Без этой негативной работы, однако, как понимание, так и осуществление добра вряд ли возможно, ведь то же милосердие или прощение всегда предельно конкретно, связано с переживанием индивидуального поступка или качества, что и отличает его от равнодушия, забывчивости, невнимания.

Подводя итог, можно еще раз повторить, что базовой процедурой, используемой философией зла, можно считать обнаружение сил, воздействующих на морального субъекта, и определение принципа их соотнесения с характеристиками объектов, на которые они направлены. Предлагается, собственно, некий новый императив, завязанный на понятия различия и неразличимости. Это и может считаться вкладом философии зла в мировую мысль и этическую практику.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1.Арендт Х. Банальность зла / Х. Арендт; Пер. с англ. С.Кастальского, Н. Рудницкой. – М.: Европа, 2008. – 444 с.

2. Мамардашвили М.К., Соловьев Э.Ю., Швырев В.С. Классика и современность: две эпохи в развитии буржуазной философии / Философия в современном мире. Философия и наука. – М.: Наука, 1972. – С. 28 – 94.
3. Свендсен Л. Философия зла / Л. Свендсен; Пер. с норв. Н. Шинкаренко. – М.: Прогресс-Традиция, 2008. – 352 с.
4. Тавареш Р. Небольшая книга о великом землетрясении / Руи Тавареш; пер. с португальского Е. Г. Голубевой. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2009. – 240 с.